

К. Ю. Бардола

**«Милостив к нам как отец», или «Демон в образе человека»?
Некоторые замечания о роли
императора Юстиниана I Великого в истории Византии**

Император Юстиниан I Великий (527–565) является одной из крупнейших политических фигур в истории Византии. Его деятельность привлекала пристальное внимание, как его современников, так и в дальнейшем исследователей истории Византии. Однако именно эта страница византийской истории остается, пожалуй, самой загадочной и неоднозначной. Несмотря на прозвище, которое закрепилось за этим императором, историография долгое время давала отрицательную оценку деятельности Юстиниана I, утверждая, что его экономическая политика обескровила империю, и называя его внешнюю политику «авантюрой» или «уходом от более неотложных проблем»¹. Однако в последние годы начали появляться зарубежные научные публикации, в которых роль императора Юстиниана в истории Византии оценивается не столь однозначно и более осторожно².

Что же касается российской и украинской византистики, то основные принципы оценки деятельности императора Юстиниана I Великого остаются практически без изменения вот уже более ста лет. В начале XX в., в период наивысшего расцвета русской дореволюционной византистики, выходят сразу несколько фундаментальных работ по истории Византии, в которых много внимания уделялось и политике императора Юстиниана I. Можно сказать, что именно в это время среди ученых сложилась оценка деятельности этого политического деятеля, которая впоследствии господствовала, с незначительными поправками, в советской, а затем в российской и украинской исторической науке XX в.³. Во многом такая оценка зависела от недостаточно критического анализа морально-этических оценок, данных императору Юстиниану I византийскими хронистами, и особенно Прокопием Кесарийским. По сути, именно «Тайная история», талантливо написанная этим автором, на долгое время во многом определила отношение историков к императору.

В целом, это отношение, которое впоследствии трансформировалось в историческую оценку, можно условно выразить в нескольких тезисах.

- Период правления императора Юстиниана I был временем небывалого подъема византийской культуры и византийского законодательства;
- при помощи военных и дипломатических действий территория Византийской империи значительно увеличилась, практически достигнув границ Римской империи;

- стремление восстановить былое могущество Римской империи, которым во всех своих действиях руководствовался Юстиниан I, не было осуществлено;
- причиной этой неудачи послужила внутренняя политика, проводимая этим императором, а именно финансовая и религиозная политика, а также принципы авторитаризма при осуществлении своей политической деятельности;
- последствия этой неудачи были катастрофическими и привели византийское государство к глубокому и затяжному кризису, который в конце концов закончился потерей значительных территорий во время арабского нашествия.

Подобная точка зрения не претерпела особых изменений среди большинства российских исследователей к концу XX в.⁴ Постепенно она перекочевала в основные российские и украинские учебные пособия, а также научно-популярную литературу, где и главенствует на протяжении многих десятилетий⁵.

Надо сказать, что некоторые современные российские исследователи подвергают деятельность Юстиниана гораздо более жесткой критике. Так, в своей статье «Юстиниан и «ренессанс» Римской империи в VI в. н. э.» Ю. Г. Мягков и В. Д. Жигунин представляют императора как «мужиковатого», не обладающего хорошими умственными способностями, «разрушителя» Восточной Римской империи, который к тому же устроил «геноцид» (!) не только населению своей империи, но и двум передовым германским народам, готам и вандалам⁶. Признавая право исследователя использовать современные термины и понятия в процессе изложения своей точки зрения, все-таки хотелось бы напомнить высказанное по этому поводу Ф. Бэконом предостережение наукам, пользующимся словом для выражения сути вещей. По его мнению, ученым следует постоянно помнить о «колдовской силе» слов и во имя предметной истины пользоваться ими с большой осмотрительностью⁷.

В любом случае, статья Ю. Г. Мягкова и В. Д. Жигунина затрагивает проблему критериев оценки деятельности императора Юстиниана I Великого и свидетельствует о том, что окончательная точка в определении роли этого политического деятеля в истории Византии еще не поставлена. Поэтому представляется интересным еще раз рассмотреть все основные положения сложившегося в западной, и особенно в российской и украинской исторической науке отношения к далеко неоднозначной деятельности этого «демона в образе человека».

Так основной и весьма популярной при оценке деятельности Юстиниана точкой зрения является утверждение о наличии определенного императорского «плана» по восстановлению Римской империи в прежних размерах

и в былой славе. Однако при изучении свидетельств источников о начале военных действий с вандалами и готами неким образом не складывается впечатление, что эти завоевания являются частями единого внешнеполитического плана. Начало военных действий и с государствами вандалов и готов началось после смены местных политических элит. И в том и другом случае от власти были отстранены «провизантийски» настроенные партии, и для византийского правительства это могло означать возможность появления и усиления очень грозных и враждебно настроенных соперников в непосредственной близости от границ империи. Надо отметить, что перед началом боевых действий император Юстиниан пытался решить эту проблему дипломатическими путями. Так в письмах к Гелимеру Юстиниан безуспешно предлагал оставить видимость власти предыдущему властителю вандалов Ильдерику или хотя бы отправить его в империю для «утешения»⁸. Возможно, что на этих условиях император и признал бы легитимность Гелимера и не начал бы военных действий.

Не прекращались поиски дипломатического решения накануне и в начале политического конфликта между императором Юстинианом и лидером готов Теодахадом. Все это время при Теодахаде находился византийский посланец Петр Патрикий и существовала реальная возможность достижения политического компромисса, который был вполне на руку византийскому императору⁹.

Такой же политики император Юстиниан придерживался и по отношению к Персии, всячески пытаясь решить свои основные политические задачи путем переговоров и дипломатии, обращаясь к военной силе только по необходимости¹⁰.

Источники также свидетельствуют о сомнениях, охвативших всю политическую верхушку Византии перед отправкой войск в Северную Африку. Мы не знаем точно, что именно послужило определяющим фактором для принятия решения императором, но принято это решение было после долгих совещаний и раздумий¹¹. Как уже отмечали исследователи, поход небольшой армии, набранной в основном из федератов, мало походил на попытку «реставрации» римского строя в Северной Африке, особенно в сравнении с предыдущей военной экспедицией во время правления императора Льва I (457–474)¹².

После завоевания Северной Африки, для осуществления эффективного контроля над этой территорией острейшим образом встал вопрос о возможности использования византийцами Сицилии как перевалочной базы, о чем еще перед началом экспедиции предупреждал императора Иоанн Каппадокийский¹³. Однако после убийства Амаласунты, у Юстиниана практически не осталось надежд на решение этого вопроса мирным способом, и он был вынужден отправить войска против готов. Надо отметить, что по свидетельству

Прокопия Кесарийского, задачей «максимум» военной экспедиции Велизария в Италию был лишь захват Сицилии, причем в успехе и этого задания император не был полностью уверен¹⁴.

Таким образом, можно сказать, что экспансия византийских войск в Северную Африку и Италию была скорее осторожной попыткой византийского правительства отреагировать на процессы, происходящие в варварских государствах, чем выполнение единого, ранее задуманного плана. Политика, проводимая императором Юстинианом в процессе и после завоевания Северной Африки и Италии также свидетельствует о том, что эти два направления не были приоритетными во внешнеполитическом курсе для этого периода. Источники свидетельствуют, что людские и финансовые ресурсы направлялись императором в эти области менее охотно, чем в другие. Все расходы должны были обеспечиваться из местных доходов, а строительная деятельность императора Юстиниана там была минимальной по сравнению с другими областями империи¹⁵.

В другом случае действия византийского полководца Велизария, который хитростью помешал одному из многих вторжений войск Хосрова на территорию Византии, получили, по свидетельству источника, похвал больше, «чем за то, что он привел в Византию двух царей пленного Гелимера и Витигеса»¹⁶. Все это свидетельствует о том, что основной целью внешней политики императора Юстиниана была не «реставрация» Римской империи, а сохранение в целостности своего государства от нашествий многочисленных враждебно настроенных варваров. Причем приоритетными в этом случае были отношения с Персией и решение «балканского» вопроса. Покорение государств вандалов и остготов означало лишь ликвидацию двух политических соперников, причем не самых опасных, и вероятно Юстиниан это отчетливо понимал. К тому же надо отметить характерный для этого времени приоритет оборонной концепции в военной стратегии Византии, который достаточно определенно отображен в военном трактате второй половины VI в. — «Византийском анониме VI в.»¹⁷. Необходимо также отметить, что военная стратегия империи при Юстиниане строилась таким образом, чтобы императору не пришлось решать судьбу империи в одном или двух сражениях.

Многие византийцы утверждали о наличии плана «реставрации» Римской империи, исходя из высказываний собственно самого императора Юстиниана в законодательных и дипломатических документах¹⁸. В многочисленных законодательных документах юстиниановской эпохи известно лишь одно высказывание, которое с большей или меньшей уверенностью можно принять как программное заявление будущей экспансионистской политики. Это отрывок из новеллы XXX, адресованной Велизарии, в которой император Юстиниан пишет, что после установления мира с Персией, подчинения

вандалов, аланов и маврусиев, покорения всей Африки и Сицилии надеется распространить власть и на остальные земли древних римлян в пределах двух океанов¹⁹. Новелла эта была написана в 536 г., и как мы видим, является скорее не планом экспансии, а признанием уже осуществленных успехов с некоторой долей хвалебной политической риторики, присущей многим документам той эпохи. К тому же надо отметить, что заключение мира с Персией и в этом документе стоит на первом месте, что может свидетельствовать об уже названных особенностях внешней политики Византии этого периода.

Что же касается дипломатической переписки, император, естественно, использовал в качестве *casus belli* тот факт, что его государство формально было преемником Римской империи и имело больше оснований на захваченные варварами земли. Однако надо заметить, что лишь представителям старой византийской аристократии, таким как Петр Патрикий, Иоанн Лид и Велизарий вполне хватало одной этой причины для оправдания ведения военных действий²⁰. Юстиниан же, как политический деятель более высокого ранга, подходил к этому вопросу более ответственно и в дипломатической переписке прибавлял к этой причине другие, как правило, непосредственные поводы, повлекшие за собой объявление войны. Это могло быть убийство союзника-правителя, нарушение территориальной целостности византийского государства или договорных отношений, а также другие «нестерпимые, неизмеримые обиды»²¹. Более того, в некоторых случаях Юстиниан мог вообще не использовать в дипломатической риторике эту «главную» причину. Так, в переговорах с франкским королем Теодобальдом сенатор Леонтий, выступая от имени императора, заявлял, что тот владеет Италией по «праву войны», что, конечно, никак не совпадает с теорией «реставрации» Римской империи²².

Следовательно, возникают вполне обоснованные сомнения в том, что император Юстиниан I осуществлял свою внешнюю политику, исходя из положений некоего плана «восстановления» Римской империи в прежних границах и тем более «реставрации» самой Римской империи. Представляется более логичным рассматривать его внешнюю политику, и особенно войны с вандалами и остготами совершенно в ином ракурсе. В результате этих войн были побеждены и уничтожены два воинственных народа, которые являлись потенциальными противниками империи. Именно готы и вандалы прошли с огнем и мечом по Европе, что в конечном итоге послужило окончательным фактором падения Западной Римской империи, и именно готы и вандалы в дальнейшем могли представлять смертельную опасность и государству византийских императоров. Так или иначе, но Византийская империя на долгое время обезопасила свои границы в этих направлениях

и могла сосредоточить все свои силы для отражения варварских нашествий на Дунае и противостояния с Персией.

Также некоторые сомнения вызывают предположения исследователей о «губительной» разорительности для Византии внешней и внутренней политики императора Юстиниана. Эти предположения основываются в первую очередь на свидетельствах Прокопия Кесарийского и новелле преемника Юстиниана I императора Юстина II. К сведениям Прокопия Кесарийского нужно относиться с большой осторожностью из-за его крайне отрицательного отношения к императору и не совсем четкого понимания сути экономических процессов, происходящих в это время в Византии²³. Очевидно, что для многих социальных групп населения финансовые нововведения Юстиниана I были весьма неприятны. Политика, проводимая императором по принципу «налоги должны платить все», серьезно подорвала финансовое положение крупных землевладельцев-сенаторов, навикуляриев и представителей других социальных групп, до этого освобожденных от налоговых выплат. Что же касается государственного бюджета эпохи правления Юстиниана I, пожалуй, нет серьезных оснований считать его несбалансированным и очевидно дефицитным. Удачные войны с вандалами и остготами в экономическом плане были скорее прибыльным предприятием. Доходы от этого предприятия в виде сокровищ вандальской и остготской казны, другой добычи и дальнейших налоговых поступлений значительно превышали расходы на подготовку экспедиций и содержание войск, о чем уже упоминали некоторые исследователи²⁴. Выплаты персам, согласно заключенным мирным договорам, были, конечно, чувствительными для византийской казны. Однако эти платежи не были для Византии чем-то необычным, особенно после неудачных военных действий предшественников императора Юстиниана I²⁵. Что же касается расширения податных территорий, то в этом направлении император Юстиниан был гораздо успешнее как своих предшественников, так и своих преемников.

Нельзя не признать, что при этом императоре велось активное строительство по всей империи, что естественно требовало больших расходов со стороны византийского правительства. Однако, необходимо заметить, что именно императору Юстиниану принадлежит решение перенаправить поступления местных городских бюджетов в центральную казну²⁶. Соответственно практически все решения о каком-либо общественном строительстве в том или ином городе также переходили в компетенцию центральной власти, что естественно способствовало складыванию у современников впечатления о чрезмерных государственных расходах на строительную деятельность при этом императоре²⁷.

Очевидно, что наиболее существенным фактором, отрицательно повлиявшим на благосостояние империи этого периода, была эпидемия чумы, которая разразилась в 540–541 гг. В западной историографии было принято занижать катастрофические последствия этого события, однако в последнее время многие исследователи считают одним из возможных последствий этой эпидемии уменьшение общего количества населения в Византии на одну треть²⁸. Отечественная византистика либо совсем не обращает внимания на эпидемию чумы VI в. и ее влияние на демографическое и социально-экономическое положение в Византии, либо уделяет этому событию незаслуженно мало внимания²⁹.

В любом случае, эпидемия чумы в значительной мере уменьшила базу налогообложения для византийского правительства и, следовательно, существенно снизила доходную часть бюджета. Несмотря на это, император Юстиниан I не прекратил своей активной внешней и внутренней политики, что свидетельствует о сбалансированности и стабильности деятельности византийского правительства. Не сомневались в накоплении значительных доходов византийским правительством и современники Юстиниана, которые, по мнению Прокопия Кесарийского, были убеждены о наличии «богатств римлян» в «многочисленных тайниках у василевса»³⁰.

Вероятно, надо более осторожно относиться к заявлениям политического преемника Юстиниана императора Юстина II о расстроенной и обремененной долгами казне, которую он обнаружил во время его вступления на императорский трон³¹. Источники не сообщают точные цифры финансового «запаса» империи на время восшествия на престол Юстина II, однако он вполне безболезненно для бюджета снял государственные налоговые недоимки, которые остались со времени Юстиниана³². В целом внутреннюю политику, в дальнейшем проводимую Юстином II, никак нельзя назвать «экономной». Источники сообщают, что он также вел активную строительную деятельность, часто практиковал всевозможные раздачи и пожалования и был сторонником активной внешней политики³³. Все это вряд ли было бы возможным при отсутствии необходимых средств в казне. К тому же в той же новелле, где Юстин II высказывал свое мнение о неудовлетворительном состоянии государственной казны, он подвергает критике и внешнюю политику Юстиниана. Этот император обвиняет своего предшественника в том, что в результате плохого состояния военных сил империя часто подвергалась опустошительным набегам варваров³⁴. Все это свидетельствует о необъективном отношении к деятельности императора Юстиниана со стороны его преемника, либо сознательном унижении его заслуг.

В какой-то мере неудачной можно считать религиозную политику императора Юстиниана I, с чем, как правило, соглашаются все исследователи.

Однако проблема, которая стояла перед императором в этом направлении была настолько трудна, что решить ее в течение одного императорского правления было практически невозможно. Причинами такого положения можно назвать непримиримость позиций представителей разных направлений, христианского вероучения, центробежные тенденции в церковной иерархии и отсутствие действительно эффективных способов решения этой проблемы со стороны центральной власти.

Тем не менее, утверждение о том, что религиозная политика Юстиниана I опустошила Сирию и подготовила успехи арабских завоеваний, кажется, по крайней мере, значительным преувеличением³⁵. Во-первых, нельзя не учитывать тот факт, что после правления Юстиниана I до начала арабских завоеваний прошло 70 лет и за этот период правило пять разных византийских императоров, которые проводили самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику. Во-вторых, исследователи уже отмечали, что свои завоевания арабы совершали в областях, далеких от экономического упадка³⁶. И, наконец, в-третьих, благожелательное отношение сирийских монофизитов к арабским завоевателям является далеко не бесспорным фактом³⁷.

Таким образом, можно сделать вывод, что многочисленные утверждения исследователей о том, что религиозная, также как внешняя и социально-экономическая политика императора Юстиниана I Великого, была безоговорочно безуспешной, разорительной и, в конце концов, «губительной» для византийской империи являются скорее результатом традиции, а не научного анализа.

Конечно, задачей этой статьи не является попытка «обелить» и уж тем более возвеличить как политического деятеля императора Юстиниана I. Однако, для того чтобы получить обоснованную и непредвзятую оценку деятельности этого императора, историческая объективность требует серьезно научного исследования, которое осветит социально-экономические, политические и религиозные проблемы, с которыми пришлось столкнуться правительству Юстиниана, и проанализирует те действия, которые оно принимало для их решения. Тем более, что количество свидетельств источников этого периода вполне позволяет это сделать.

Примечания

¹ Диль Ш. Основные проблемы Византийской империи. — М., 1947. — С. 45; Lamonte J. L. The World of the Middle Ages a Reorientation of Medieval History. — New York, 1949. — P. 51; Ostrogorsky G. History of the Byzantine state. — Oxford, 1956. — P. 72–74; Barker J. Justinian and the Later Roman Empire. — Madison, 1966. — P. 208; Jones A. H. M. The Later Roman Empire. 284–602. A Social,

- Economic and Administrative Survey. — Baltimore, 1986. — P. 298–299; *Guüy A.* Византийская цивилизация. — Екатеринбург, 2005. — С. 17–18; *Devuc H.* История Европы. — М., 2005. — С. 177–178; *Haldon J.* Byzantium. A History. — Stroud, 2000. — P. 23; *Norwich J. J.* Byzantium: the early centuries. — New York, 2001. — P. 266; *Laiou A. E.* Political History: An Outline//The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century. — Washington, 2002. — P. 13.
- ² *L'imperatore Justiniano: mifo e realtà.* — Bari, 1972; *Treadgold W.* A History of the Byzantine State and Society. — Stanford, 1997. — P. 215–216; *Evans J. A. S.* The Age of Justinian: The Circumstances of Imperial Power. — London, 2000. — P. 269–270.
- ³ *Кулаковский Ю. А.* История Византии. Т. 2. — СПб., 2003. — С. 262–263; *Васильев А. А.* История Византийской империи. Время до крестовых походов. — СПб., 2000. — С. 263–264; *Успенский Ф. И.* История византийской империи VI–IX вв. — М., 1999. — С. 377–378; *Мяжков Ю. Г.* Император Юстиниан и его эпоха в русской исторической мысли XVIII—первой половине XIX вв.//Точка зрения. Сборник научно-исследовательских статей. — Казань, 2002. — Вып. 2. — С. 57–63; *Мяжков Ю. Г.* Образ Юстиниана I в российской энциклопедистике начала XX в.: опыт И. М. Гревса//Античность в современном измерении. Тез. докл. Всероссийской науч. конф., посвященной 35-летию научного кружка «Античный понедельник» Казань, 14–16 ноября 2001 г. — С. 118–121.
- ⁴ *Удальцова З. В.* Италия и Византия в VI веке. — М.: Изд-во АН СССР, 1959. — С. 252–253; *Чекалова А. А.* Прокопий Кесарийский: личность и творчество//Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. — М., 1993. — С. 445–446; *Каждан А. П., Литавин Г. Г.* Очерки истории Византии и южных славян. — СПб., 1998. — С. 33–35; *Кучма В. В.* Военная организация Византийской империи. — СПб., 2001. — С. 209; *Дашков С. Б.* Императоры Византии. — М., 1996. — С. 70; *Вус О. В.* Византийская армия — основной инструмент восстановления orbis Romanus в эпоху Юстиниана I (527–565 гг.)//Кондаковские чтения: Проблемы культурной преемственности. — Белгород, 2005. — 1. — С. 135.
- ⁵ *История Византии.* Т. I. — М., 1967. — С. 354; *Курбатов Г. Л.* История Византии. — Л., 1984. — С. 64–65; *История Средних веков:* В 2 т. Т. 1.: Учебник/Под ред. С. П. Карпова. — М., 2005. — С. 151–157; *Балух В. О.* Византиністика. — Чернівці, 2006. — С. 100–101; *Черетаев А. А.* Византия. Юстиниановская эпоха. — М., 2004. — С. 174, 348–352.
- ⁶ *Мяжков Ю. Г., Жигунин В. Д.* Юстиниан и «ренессанс» Римской империи в VI в. н. э.//Античный вестник. — Омск, 1995. — Вып. 3. — С. 153–155.
- ⁷ *The Works of Lord Bacon.* — London, 1871. — Vol. I. — P. 164–165, 512.
- ⁸ *Прокопий Кесарийский.* Война с вандалами//Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история: Пер. А. А. Чекаловой. — СПб.: Алетейя, 2001. — I. 10–18.

- ⁹ *Прокопий Кесарийский*. Война с готами: Пер. С. П. Кондратьева. — М.: Изд-во АН СССР, 1950. — V. 7–94; *Вольфрам Х*. Готы. — СПб., 2003. — С. 487.
- ¹⁰ *Прокопий Кесарийский*. Война с персами//*Прокопий Кесарийский*. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история: Пер. А. А. Чекаловой. — СПб.: Алетеия, 2001. — I. XXII; II. X
- ¹¹ *Прокопий Кесарийский*. Война с вандалами. — I. 7–18.
- ¹² *Cameron A. Gelimers Laughter: The Case of Byzantine Africa*//*Tradition and Innovation in Late Antiquity*. Ed. F. M. Clover and R. S. Humphreys, Madison: U. Wisconsin, 1989. — P. 173.
- ¹³ *Прокопий Кесарийский*. Война с вандалами. — I.X.15.
- ¹⁴ *Прокопий Кесарийский*. Война с готами — V.5.
- ¹⁵ *Прокопий Кесарийский*. Война с готами. — VII. 36–37; *Novellae*. XXXVI.; *Прокопий Кесарийский*. О постройках: Пер. С. П. Кондратьева//ВДИ. — 1939. — № 4. — VI; *Evans J. A. S. The Age of Justinian: The Circumstances of Imperial Power*. — P. 137.
- ¹⁶ *Феофан*. Хронография/Летопись Византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта: Пер. с греч. В. И. Оболенского, Ф. А. Терновского, пред. О. М. Бодянского. — М., 1884. — С. 169.
- ¹⁷ *Кучма В. В.* Военная организация Византийской империи. — С. 236.
- ¹⁸ *Кулаковский Ю. А.* История Византии Т. 2 — С. 262; *Васильев А. А.* История Византийской империи. — С. 196; *Адонц Н.* Армения в эпоху Юстиниана. — Ереван, 1971. — С.129; *Kouahi B. B.* Society at the end of the Byzantine period until the eve of the Arab conquest//*Libya Antiqua. Report and papers of the symposium organized by Unesco in Paris, 16 to 18 January 1984*. — P. 245; *Evans J. A. S. The Age of Justinian: The Circumstances of Imperial Power*. — P. 269.
- ¹⁹ *Novellae*. XXX. XI.
- ²⁰ *Прокопий Кесарийский*. Война с готами. V. 5.36; V. 20; *Ioannes Lydus*. Opera ex rec. Im. Bekkeri. — Bonn: E. Weber, 1837. — III. 56.
- ²¹ *Прокопий Кесарийский*. Война с вандалами. II.IV.5; *Прокопий Кесарийский*. Война с готами. V. 3.15; V. 4.28–30; V.5.8–9; *Вольфрам Х*. Готы. — С. 484.
- ²² *Прокопий Кесарийский*. Война с готами. VIII. 24.
- ²³ *Бардола К. Ю.* Налоговая политика императора Юстиниана I//*Вестник Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина*. — № 566. История. — Вып. 34. — Харьков, 2002. — С. 34–45.
- ²⁴ *Treadgold W.* A History of the Byzantine State and Society. — P. 217; *Cameron A.* The Mediterranean World in Late Antiquity. — P. 115.
- ²⁵ *Прокопий Кесарийский*. Война с персами. I.IX; *Хроника Захария Ритора*. VII.5 //Пигулевская Н. В. Сирийская средневековая историография. — СПб., 2000; *Хроника Иешу Стилита*. 81//Пигулевская Н. В. Сирийская средневековая историография. — СПб., 2000; *Пигулевская Н. В.* Сирийская средневековая историография. — С. 175.

- ²⁶ *Проконий Кесарийский*. Тайная история. XXVI. 6.
- ²⁷ *Проконий Кесарийский*. Тайная история. VIII. 7, XIX. 6.
- ²⁸ *Cameron A.* The Mediterranean World in Late Antiquity. — P. 110; *Morrison C., Sodini. J.-P.* The Sixth-Century Economy//The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century. — Washington, 2002. — P. 194.
- ²⁹ *Каждан А. П., Литавин Г. Г.* Очерки истории Византии и южных славян...; *Чекалова А. А.* Константинополь в VI веке. Восстание Ника...; *Балух В. О.* Візантиністика...; *Курбатов Г. Л.* Ранневизантийские портреты. — С. 255.
- ³⁰ *Проконий Кесарийский*. Тайная история. XXX. 32–33.
- ³¹ *Novellae*. CXLVIII. praef.
- ³² *Novellae*. CXLVIII. praef.
- ³³ *Феофан*. Хронография. — С. 185–186.
- ³⁴ *Novellae*. CXLVIII. praef.
- ³⁵ *Мяжков Ю. Г., Жигунин В. Д.* Юстиниан и ренессанс Византии. — С. 175.
- ³⁶ *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. — С. 536.
- ³⁷ *Кривов М. В.* Отношение сирийских монофиситов к арабскому завоеванию//ВВ. — № 55 (80). — 1994.